

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ НА ВТОРОМ УРОВНЕ БОРЬБЫ С ЗАПАДОМ В БЕЛАРУСИ

Аннотация

После начала специальной военной операции актуальным стала эффективная организация российской политики в Беларуси. Обоснована востребованность геополитической важностью Беларуси в контексте военно-стратегического и экономического противостояния России и Запада в Восточной Европе. Целью работы было выявление успешных форм реализации российских интересов в Беларуси. Задачами же исследования стали: формирование нужного для изучения понятийного аппарата, включающее выявление современной трактовки понятия «власть»; сопоставление предлагаемых Западом и Россией ценностных моделей; изучение ценностного состояния белорусской элиты; формирование новой ценностной политики России в Беларуси. Исследование позволило выявить, что у России имеются культурно-идеологические проблемы по продвижению своих интересов в Беларуси. В основном, трудности взаимосвязаны с используемой ценностной моделью, не дающей возможность построить диалог между двумя государствами на равных, взаимовыгодных основаниях. Был сделан вывод о том, что новая ценностная концепция России должна быть основана на признании социально-культурной автономии Беларуси и на защите ее неповторимости от универсальной, уничтожающей и поглощающей либеральной модели.

Ключевые слова: власть, символы, ценности, каналы информации, «мягкая сила», Беларусь, Россия, Польша.

Автор

Батяновский Владислав Вадимович

Студент магистратуры факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Сегодня, в условиях проведения Россией специальной военной операции на территории Украины, все более актуальным становится вопрос сохранения стабильного регионального политического порядка. Коалиция западных стран во главе с США, заинтересованная в истощении российской общественно-ресурсной базы, проводит политику по разрушению устоявшегося с 1991 года макро-регионального порядка на постсоветском пространстве, что закономерно ведет к тому, что Россия теряет воз-

можность для аккумуляции ресурсов и реализации целей по денацификации и демилитаризации Украины, поставленных в феврале 2022 года. Особенно остро, с учетом существующей военной и торговой логистики, данная проблема стоит в сопряженных с Украиной государствах. Как отмечал белорусский философ и общественный деятель А. Дзермант, с увеличением политической напряженности между Россией и Западом будет нарастать нестабильность в странах-фронтах, исторически совмещающих в себе

элементы цивилизаций-антагонистов, что закономерно обуславливает актуализацию конфликта за сохранение/приобретение стран-спутников. Поэтому, с учетом географических, военно-стратегических и экономических факторов, логистической важности страны для реализации поставленных целей на Украине, актуальность изучения имеет проблема противостояния России и Запада за Беларусь [7, с. 137–139; 3, с. 3–4].

В начале стоит отметить, что борьба между Россией и Западом имеет два уровня. Если на Украине противостояние происходит в форме открытого силового конфликта, с масштабным применением вооруженных сил и экономических санкций с обеих сторон, то в сопредельных странах, в том числе и в Беларуси, столкновение имеет иной характер.

I. Понятийно-методологическая проблема выявления особенности второго уровня борьбы через понятие «власть»

Для того, чтобы понять прикладную специфику второго уровня борьбы, следует выявить методологическую особенность изучаемой проблемы. Так, отметим, что методологические особенности второго уровня скрыты в базовых понятийных основаниях политологической науки. Сегодня, с учетом перманентного ускорения производства и распространения информации, все большую гносеологическую проблему занимает вопрос, связанный с понятийным определением самой базовой политической категории — власти. Если раньше, с учетом имевшейся специфики организации общественных взаимоотношений, понятие «власть» имело общепризнанную парадигмальную природу, то в наше время, с масштабным изменением разных уровней общественных взаимоотношений, «власть» потеряла свою общепризнанную академическую специфику. Иссле-

довательское углубление в смежные научные сферы и ускорение каналов передачи информации позволили, с одной стороны, рассматривать политическую проблему с разных гносеологических сторон, обогащая тем самым политическую теорию и практику, а с другой — допустили дифференциацию профессиональных понятий, что привело к разным толкованиям политики. Поэтому, для выявления методологической особенности поднимаемой проблемы, первоначально требуется определить, что в анализе будет пониматься под «властью».

Избегая глубокого рассмотрения этимологии слова «власть», отметим, что признанное базовым определение, сформированное в начале XX в. М. Вебером, не является актуальным. Во многом это обусловлено тем, что понятие имеет слишком упрощенную, не отвечающую современным реалиям, понятийную особенность. «Субъект-объектный тип отношений» подразумевает, что власть, по своей природе, имеет насильственную форму принуждения обладающего какими-то качествами субъекта над более слабым объектом. Однако, как показал опыт XX века, наиболее эффективно власть осуществляется тогда, когда подчиненные сами, без принуждения, признают над собой господство. То есть, в условиях современного типа общественных отношений, «властью» являются не столько принудительные, сколько стимулирующие и убеждающие формы воздействия, дающие возможность обладателю власти реализовывать свои интересы за счет добровольного участия подчиненных. Во многом подобный тип власти базируется на контроле и формировании информации, что, в гносеологическом смысле, определяет методологическую базу исследования второго уровня борьбы [5, с. 14; 12, с. 45–46].

На сегодняшний день сформировалось несколько научных направлений,

занимающих изучением академического понимания «власти»:

1) В первую очередь, заметим, что представители **дискурс-анализа** отмечают зависимость власти от создания, распространения и сохранения определенных лингвистических категорий. С точки зрения дискурс-теории, власть взаимосвязана с использованием определенных символов, что стимулирует субъектов власти использовать определенные смысловые категории и нарративы для донесения нужной информации понятным для определенных сообществ образом.

2) Сторонники же **информационной теории** считают, что властью являются способы контроля за формированием и распространением значимой для субъектов политической информации. За счет контроля информационных потоков, то есть через ограничение или допущение нужной информации, субъекты политики создают усиливающий их власть информационной контекст.

3) Другим направлением изучения является **политическая психология**. В ее рамках различные исследователи, придерживаясь разных способов анализа индивидуальных или социальных психологических проблем, связывают власть со способностью воздействовать на бессознательное, добиваясь контроля через иррациональные свойства человека.

4) Последним направлением изучения является **политическая аксиология**. Отдельные исследователи считают, что эффективное воздействие на определенные социальные группы происходит через имеющиеся или сформированные у отдельных индивидов или сообществ нормы, что во многом определяет зависимость политических институтов от сформированной культуры, религии и традиций.

Каждое из выделенных методологических направлений рассматривает раннее акцентированное понимание «власти» по-своему, но, учитывая по-

ставленную в начале статьи цель выявить методологические особенности анализа второго уровня борьбы между Россией и Западом, исследовательское многообразие допускает формирование универсального способа анализа проблемы на основе объединения фундаментальных сторон каждого из отмеченных выше методов. То есть, через методологическое объединение дискурс-анализа, информационной теории, политической психологии и аксиологии можно добиться фундаментального анализа борьбы между Россией и Западом. Отметим, что объединение должно происходить в принципах формальной логики, интегрируя методы на основе их последовательного и логического изложения. Такой способ позволит заключить, что естественно/искусственно образованные символы (коннотации) отражают определенные ценности, что, исходя из индивидуального/общественного опыта, влияет на подсознательную реакцию, подталкивая человека/индивида на определенные действия. Перефразируя, можно отметить, что через контроль каналов информации субъекты политики ретранслируют определенные символы, позволяющие не только сохранить и укрепить, но и расширить власть, подталкивая людей к определенным общественным действиям. «Власть», с этой точки зрения, является способностью субъектов контролировать информационное пространство, воспринимать символы и свойственные им ценностные отображения для воздействия на бессознательную природу человека, убеждая и стимулируя его осуществлять нужные для власти действия.

Исходя из этого, разработанная методология изучения проблемы позволяет утверждать, что большую роль в осуществлении власти сегодня имеют категории, тесно связанные с теорией «мягкой силы». Создатель и один из ведущих специалистов по теории «умной силы», американский ученый

Дж. Най утверждал, что, в отличие от «жесткой силы», «мягкой» свойственно неформальное воздействие через создание и трансляцию привлекательного иррационального образа. То есть, воздействие на другие сообщества в целях завоевания, сохранения и расширения власти происходит благодаря иррациональному влиянию на имеющие определенные ценностные коннотации символы. Конечно, напрямую нельзя утверждать, что привлекательные институты, культура и идеология являются символами, однако можно заметить, что иррациональное отображение различных вещей часто имеет стереотипное свойство, отражая тем самым когнитивную способность усваивать определенную информацию ассоциативным образом. Эту гносеологическую позицию подтверждают исследования одного из ведущих специалистов в области когнитивной психологии Д. Канемана. Ученый, в рамках своих работ, утверждал, что большая часть людей постигает информацию ассоциациями и опытом, порождая тем самым проблему образования поверхностного взгляда и отношения к определенным, требующим более глубокого изучения, вопросам. Поэтому можно утверждать, что институты, культура и идеология, ассоциативно постигаемые людьми, являются символическими категориями, имеющими определенные ценностные отображения и влияющими на бессознательную природу человека [14, с. 30; 8, с. 47].

Таким образом, следует подчеркнуть, что методологическое исследование второго уровня борьбы между Россией и Западом проходит, в первую очередь, через изучение сформированных символических категорий, что, учитывая гносеологическую специфику, позволяет определить продвигаемые противоборствующими сторонами ценностные основания, влияющие в свою очередь на иррациональные действия объектов политики. Власть же, несмо-

тря на методологическое отображение второго лица, имеет первое лицо, отражая сформулированный в середине XX в. Р. Далем тезис о предопределении власти через категории борьбы между субъектами за ее преобладания [12, с. 30].

II. Сопоставление современной ценностной политики России и Запада в Беларуси

Выявив методологические основания изучения проблемы, можно приступить к прикладному анализу противостояния России и Запада. Сначала обратим внимание на то, что второй уровень борьбы взаимосвязан с обозначенной понятийной категорией «власть». Если «власть», как было выявлено ранее, является способностью ретранслировать через подконтрольные каналы информации символические категории, имеющие определенные ценностные основания для воздействия на бессознательное, то борьба за получение этой власти происходит в плоскости символической политики. То есть, борьба за влияние в Беларуси между Россией и объединенным Западом происходит на основании ретрансляции категориальных символов, позволяющих воздействовать на население страны, побуждая белорусов бороться за реализацию тех или иных общественных или более узких политических проектов.

Отметим, что для академического понимания поднятой проблемы требуется выявить выделенные за основу методологии нормы. Также отметим, что у каждой общности данные категории разные. У отдельных социальных групп, в зависимости от идентификации, культуры, религии, политических предпочтений и др., ценностный набор отличается друг от друга. Учитывая это, заметим, что используемые ценностные компоненты должны включать в себя единые для различных

сообществ категории. Предполагается, что такие ценности должны быть универсальны и абстрактны, позволяя за счет своей многогранности бессознательно привлекать разных людей. Так, упомянутый ранее Дж. Най отмечал, что в начале XXI века универсальные ценности, в большинстве своем, будут взаимосвязаны с глобальными идеями свободы, плюрализма и потребления. Принимая во внимание выделенный ученым набор норм, укажем на то, что релятивный характер интерпретации этих категорий вынуждает субъектов политики формировать через каналы информации определенное толкование этих абстракций. То есть, для формирования определенного символического набора противодействующие друг другу субъекты вынуждены формировать толкование абстрактных ценностных категорий, что, отчасти, мотивирует политических субъектов прибегать к изучению истории, культуры и традиций различных государств [11, с. 191; 14, с. 111].

Ценностная политика Запада в Беларуси

На протяжении всего постсоветского периода Запад последовательно формировал общественную интерпретацию выделенных Дж. Найем абстрактных ценностных норм. Модуляция происходила за счет продолжительной работы некоммерческих организаций, занимавшихся не только изучением и созданием альтернативных советским/российским трактовкам интерпретаций истории, но и формированием и ретрансляцией интерпретированных на нужный манер ценностей.

Одной из ведущих некоммерческих организаций, изучавших и ретранслировавших категориальные нормы, являлся фонд «Стефана Батория». Структура, открытая в 1988 году американским финансистом Ж. Соросом, занималась поддержкой независимых исторических исследований, образо-

вательных учреждений, СМИ и гражданских движений, стремившихся к демократизации и способствовавших переходу к либерально-демократической политической системе. Благодаря работе фонда на территории Беларуси были организованы совместные с Польшей культурные и образовательные проекты, включавшие проведение совместных научных мероприятий, восстановление и реставрацию памятников культуры, развитие польского и белорусского языков, открытие и поддержку национальных СМИ и организацию различных просветительских учреждений, освещавших общую для двух стран историю. Таким образом, через проведение социальных и культурных мероприятий фонд институционально формировал нужные категории для абстрактных ценностей [1, с. 17–18; 15, с. 119–120].

Собственно говоря, вышеописанные способы воздействия позволили не только сформировать приемлемую для белорусского общества историческую концепцию, но и использовать ее для продвижения нужных норм. Интерпретация белорусской истории как борьбы за образование отдельной от славянских, балтийских и финно-угорских соседей страны позволила сформировать категориальный нарратив о тысячелетней борьбе кривичей/литвинов/белорусов за обретение национального государства.

Историческая идея сопротивления поработителям с востока и запада была социально и культурно выражена в том, что кривичи и их потомки, в отличие от окружавших их этнических групп, имели свои, основанные на совмещении культур восточных и западных славян с балтийцами, нормы, выраженные в одновременной общинности и автономии социального устройства от центральной власти. Соответственно, ценности патернализма, общинности и соборничества были совмещены с индивидуализмом, религиозной и социальной толерантностью, ценностью

гражданской активности, что, в своей совокупности, повлияло на сложившиеся образы развития не только будущего белорусского социума и культуры, но и политической системы.

Предполагается, что, исходя из ценностного набора, институты управления должны совмещать широкую подсистемную автономию элементов со структурной подчиненностью, основанной на признании сакральной роли центральной власти. То есть, желанный образ политической системы, сформированный за счет развития новой интерпретации белорусской истории, где центральные места отводятся Великому княжеству Литовскому и Речи Посполитой как образованиям, основанным на добровольном заключении общественных договоров между кривичами, литовцами и поляками, сформирован на идее самоуправления отдельных хозяйственных и политических единиц, что подразумевает ведение не только самостоятельной хозяйственной и финансовой, но и социальной, религиозной и политической деятельности. При этом широкое самоуправление общин, городов, монастырей и отдельных княжеских/панских территорий подразумевает единое участие в управлении общей страной как международной единицы, отстаивающей интересы проживающих в едином государстве народов.

Таким образом, через создание нового толкования истории происходит формирование ценностных качеств, основанных на идее борьбы за обретение свободы от подчинения не только внешним, но и внутренним субъектам, стремящимся подчинить белорусов для реализации своих политических целей. Подобная интерпретация «свободы» предполагает, что население должно бороться за уничтожение политического центризма, угрожающего общественной самостоятельности граждан, и реализацию аксиологического и институционального плюрализма как ме-

ханизма потенциального ограничения возможности государственной власти влиять на жизнь людей. Интересно, что такая конфигурация ценностей имеет аксиологическо-либеральную ссылку на идею «общественного договора», подразумевающего, что власть ограничена волей белорусского народа. Соответственно, высшей совокупной аксиологической целью свободы и плюрализма является ценность потребления, выраженная в самостоятельной реализации каждым человеком своих индивидуальных материальных желаний.

Ценностная политика России в Беларуси

По сравнению с западным/польским толкованием ценностных категорий, основанным на формировании новой интерпретации истории, продвигаемые Россией аксиологические нормы имеют более интегральный, а значит направленный на образование единых общественных структур, характер. Базово российские ценностные категории взаимосвязаны с существующей с XVII в. идеей «триединства русского народа». Идея предполагает, что разделенный в результате перехода с лестничной на удельную систему передачи власти восточнославянский этнос, в своей совокупности, является носителем единых ценностных начал, потенциально позволяющих при объединении отстаивать общеславянскую цель защиты земли, традиций и православной веры. То есть, существующие между народами различия представляются, с точки зрения идеи «триединства русского народа», благотворными основаниями для конкурентно-способного развития разных общественных сфер. Как предполагает идея, без объединения русский этнос, в силу существующей ценностной и культурной неполноты его отдельных частей, не сможет прогрессивно развиваться, а значит конкурировать с другими народами за

сохранение исконной для восточных славян земли [4, с. 67–68].

В отличие от предлагаемой Западом ценностной коннотации, русский категориальный нарратив взаимосвязан со стремлением объединить восточнославянские государства для совместной защиты общих общественных основ. Идея центризма в данном случае является центральным ценностным элементом, позволяющим, интегрируя экономику, социум и культуру, создать единую надгосударственную систему и структуру для защиты исконных начал. С этой точки зрения, аксиологические идеи свободы, плюрализма и потребления имеют иной, по сравнению с толкованием Запада, характер. Свобода выражается в том, что народы, объединяясь перед общей угрозой, защищают универсальную для русских, белорусов и украинцев культуру, традиции и веру. То есть, свобода выражается не в индивидуальном, а в коллективном стремлении сохранить сложившийся общественный уклад жизни. Плюрализм в этом случае выражается не в признании автономии отдельного субъекта на политические, социальные и др. права, а в принятии обогащающей народы разницы. Потребление коррелируется с общим для всех восточнославянских народов стремлением сохранить единый экономический порядок, способный удовлетворить потребности всех членов новой «расширенной общины».

Соответственно, сформированные Россией и Западом категориальные ценности создают разные символические отображения. Если у Запада символы имеют индивидуальные основания, отсылающие на право отдельного субъекта реализовывать свои устремления, то у России символы отсылают к древней мессианской идее защиты единой земли от иноплеменных захватчиков. С точки зрения русских символов, индивидуальные потребности не представляют ценности, так как

личные устремления часто диссонируют с идеей защиты общего для всего народа наследия предков.

III. Современное ценностное состояние белорусской элиты

Существующая между противоборствующими сторонами символическая разница влияет, в условиях ретранслирующей конкуренции, на разное восприятие белорусами антагонистических сторон. Так, ведущий белорусский политолог и философ А. Дзермант отмечал, что, несмотря на историческую и культурную близость России и Беларуси, отношения между двумя странами, в силу существующей проблемы восприятия лидерами стран своей субъектности, имеют напряженный характер. Если Россия воспринимает свою роль мессианским образом, считая, что целью государства является объединение единого восточнославянского этноса, то Беларусь, основываясь на существующей исторической, культурной, языковой и др. разнице, обосновывает идею существования двух отдельных восточнославянских государств [7, с. 27].

Политический, по преимуществу, конфликт взаимосвязан с тем, что белорусская элита боится потерять возможность реализовывать свою власть при объединении двух государств. Инкорпорация белорусской элиты в российскую не гарантирует сохранение частью истеблишмента своего существующего политического положения, что, закономерно, влияет на ретранслирующую поддержку определенных ценностных и символических проектов. Наиболее важными для укрепления белорусской власти являются символы, взаимосвязанные с идеей государственного суверенитета, что концептуально связывает белорусскую и западную деятельность. Через различные социальные институты белорусская элита проводит культурно-идеологическую

работу, создавая удобный для продвижения западных символов нарратив о борющемся за право на национальное государство белорусском народе [3, с. 62–63; 2, с. 46].

То есть, разные, по преимуществу противоположные, направления ценностного воздействия между Россией и Западом осложняются желающей сохранить власть белорусской элитой. Отражая позицию истеблишмента, белорусский общественный деятель и историк В. Деружинский отмечал: «Сегодня главным врагом <...> интеграции является идеология панрусизма, часть которой — западнорусизм. Эта реакционная идеология отрицает все белорусское и украинское как часть «русского мира», а вместо объединения исторического наследия навязывает соседям московский концепт, что ставит крест на самой идее союза». По сути, ценностная ретрансляция на объединение сегодня встречает сопротивление со стороны не только антагонистических западных, но и белорусских категориальных норм [6, с. 271].

IV. Оптимизация ценностной политики по отношению к Беларуси

В новых условиях, с устремлением белорусского истеблишмента сохранить политическое положение, российская стратегия по продвижению своих целей должна меняться. Учитывая аксиологический уровень проблемы, Россия должна изменить ретранслируемый ценностный набор. Вместо идеи «триединства русского народа» страна должна продвигать новую концепцию, взаимосвязанную с признанием политической, культурной и др. автономии. Основой для формирования новой ценностной стратегии должна стать недавно принятая концепция внешней политики России (2023), фиксирующая не только важнейшую роль ближнего зарубежья в сохранении макрорегионального порядка и общественной

стабильности внутри России, но и ведущую для российского государства тактику защиты социальных, культурных и конфессиональных особенностей народов, проживающих на постсоветском пространстве [10, с. 29].

В рамках новой концепции Беларусь должна обрести равный с Россией статус, что позволит снять напряжение с российско-белорусских отношений и наладить более успешную работу по формированию новых привлекательных символов. Основой для новой российской концепции может стать государственная, закреплённая в российской конституции, идея о многонациональном характере России. Полиэтничность, признание прав национальных меньшинств на политическую, экономическую, культурную и др. автономию, должна позволить создать положительный, признающий права и свободы народов, образ. То есть, ценностное ядро концепции должно отражать признание «равноправия и самоопределения», декларативно допуская самостоятельную роль белорусской элиты в выработке внешней политики [9, с. 9].

Соответственно, конфигурация выделенных абстрактных ценностей тоже должна измениться. Свобода, вместо выражения консолидированной защиты общей культуры, традиции и веры, должна отражать право на политический суверенитет. Сообразно, плюрализм в новой интерпретации должен означать принятие не только культурных, но и социальных, экономических, правовых и политических отличий. Потребление должно коррелировать с достижением общего благосостояния государств и народов. Таким образом, с точки зрения аксиологии, Россия должна стать защитницей общего для народов права на самостоятельный выбор национального, культурного, социального, экономического, правового и политического развития.

Первоначально может создаться впечатление, что ценностно, а значит символически, Россия будет идентична в своей концепции с Западом. Однако предлагаемая ценностная концепция, в отличие от западной, ориентируется на учет права народов на самостоятельную выработку общественного устройства. То есть, если предлагаемая Западом совокупность аксиологических категорий представляет связанную с либеральной демократией идею первичности индивидуального над общественным, то потенциальная российская концепция подразумевает нормативную идею самостоятельного развития отдельных народов и наций, что предполагает отсутствие принуждения соответствовать либеральным нарративам о первичности индивидуального над общественным. Россия в этом случае продолжает защищать сложившиеся восточнославянские традиции и декларирует защиту сложившегося у отдельных народов общественного уклада от предлагаемой Западом универсальной общественной модели.

Сообразно предлагаемым изменениям новые символы должны отражать иную интерпретацию ценностных категорий. Их основой должны стать символы белорусской традиционной культуры, включающей национальные наряды, праздники, кухню, фольклорные сюжеты, национальных героев, памятники архитектуры и др. Как элита, так и население должны ощущать не только признание, но и защиту Россией традиционных нарративов от ретранслируемых Западом/Польшей символических начал. Противопоставление универсальному, по своей природе, либерализму позволит России заручиться культурно-идеологической, правовой и утилитарной поддержкой элит для реализации своих внешнеполитических задач.

Во-первых, поддержка желаемой сохранить власть элиты позволит эффективно проводить культурно-иде-

ологическую работу по внедрению нужного нарратива. Россия сможет использовать сложившиеся каналы информации для ретрансляции нужных ценностей и символов, что, с одной стороны, облегчит работу по созданию нужного для страны дискурса и, с другой, позволит сократить потенциальные издержки на создание эффективных каналов распространения информации. Для проведения культурно-идеологической работы Россия, фактически, не будет тратить ресурсов, полагаясь на сложившиеся в Беларуси социальные учреждения, такие как СМИ, образование, культурные организации, профсоюзы и др.

Во-вторых, поддержка элит позволит заручиться правовой законностью для проведения многоплановой эффективной работы. Легальность и юридическая закреплённость позволяя стране открыто, без создания формальных институциональных форм, проводить, подкреплённую возможностью использовать местные силовые и утилитарные ресурсы, нужную культурно-идеологическую работу для реализации своих целей. Дискредитирующие или мешающие реализовывать российские интересы меры иностранных государств возможно будет преодолеть посредством работы местных властей.

Соответственно, новое толкование абстрактных ценностных категорий позволит России заручиться поддержкой белорусской элиты, что предоставит возможность использовать сложившиеся в Беларуси каналы информации для создания и распространения нужных, бессознательно стимулирующих белорусов на определенные действия, символов. Стоит обратить внимание на то, что подкреплённая правовым, а, следовательно, и силовым, аспектом культурно-идеологическая работа будет, в большинстве своем, осуществляться за счет белорусских средств, позволив России аккумулировать ограниченные ресурсы для реализации целей специ-

альной военной операции. Конечно, для более эффективной работы по распространению символических категорий и созданию объединяющего нарратива стране нужно будет затрачивать средства для проведения социальных и культурных мероприятий. Совместные культурные выставки, памятные демонстрации и научные конференции позволят более эффективно реализовывать российские цели в Беларуси. Однако при ограниченности средств эти меры необязательны.

V. Заключение

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что в условиях борьбы России и Запада актуальным становится изучение второго уровня внешнеполитической борьбы. Востребованность определена тем, что второй уровень влияет не только на политическую стабильность в постсоветском макрорегионе, но и на возможность противоборствующих сторон использовать логистическую и торгово-финансовую инфраструктуру для реализации поставленных целей на Украине. Поэтому практическую важность на сегодняшний день обретает изучение связанного со вторым уровнем гносеологического аспекта.

Так, было определено, что методология изучения зависит от центрального для политической науки понятия «власть». На сегодняшний день, с масштабным изменением общественных отношений, происходит этимологическое преобразование понятийной категории. «Власть» перестает восприниматься в «субъект-объектном» типе, приобретая новые, основанные на разных научных направлениях, свойства. Было определено, что на сегодняшний день властью являются

способности субъектов ретранслировать посредством каналов информации определенные, имеющие ценностные основания, символические категории для воздействия на бессознательную природу человека.

Соответственно, этимологическое и методологическое определения позволили сузить предмет изучения и определить основные направления работы. Если «властью» является способность распространять влияющие на поведения людей символы, то центральным аспектом изучения становятся состоящие из совокупности ценностных категорий символы. Последовательно были изучены ценностные модели России и Запада. Было определено, что западная модель, основанная на идее индивидуализма, более привлекательна для белорусской элиты. Связано это с тем, что, в отличие от российской модели, западная признает отдельную историческую, государственную и общественную субъектность Беларуси.

Поэтому был сделан вывод о востребованности изменения аксиологического набора абстрактных ценностей. Была предложена новая нормативная совокупность, основанная на идее многоэтничного характера России, признании государством прав и свобод национальных меньшинств, проживающих как на, так и за пределами территории страны. Аксиологически Россия должна стать защитницей традиционных общественных начал, противопоставляя себя универсальным ценностным устремлениям Запада. Новый, основанный на иных ценностях, символический набор позволит более эффективно реализовывать российские интересы, используя белорусские ресурсы власти для реализации поставленных целей.

Литература

1. Баранчик Ю.В. О влиянии западных акторов на ситуацию в Белоруссии // Постсоветский материк. — 2021. — № 4 (32). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-zapadnyh-aktorov-na-situatsiyu-v-belorussii> (дата обращения: 23.03.2025).

2. Батяновский В.В. Белорусская идеология как инструмент укрепления власти. — М.: Литрес: Самиздат, 2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/vladislav-vadimovich/beloruskaya-ideologiya-kak-instrument-ukrepleniya-vl-69509362/> (дата обращения: 23.03.2025).
3. Батяновский В.В. Внешняя политика Республики Беларусь в условиях трансформации мирового порядка. — Москва.: Самиздат, 2024 — 150 с.
4. Батяновский В.В. Культурно-историческая проблема самоидентификации белорусского народа: теория о триединстве русского народа // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 5–1 (80). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-istoricheskaya-problema-samoidentifikatsii-beloruskogo-naroda-teoriya-o-triedinstve-russkogo-naroda> (дата обращения: 23.03.2025).
5. Вебер М. Политика как призвание и профессора. — М.: Литера Нова, 2018. — 225 с.
6. Деружинский В. Мифы панрусизма // Деды: дайджест публикаций о белоруской истории. Выпуск 11 / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. — М.: Харвест, 2013. — С. 271-287.
7. Дзермант А. Беларусь — Евразия. Пограничье России и Европы. — М.: Родина, 2020. — 336 с.
8. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. — М.: АСТ, 2014. — 342 с.
9. Конституция Российской Федерации (с гимном России): подарочное издание. — М.: Проспект, 2021. — 112 с.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации. — М.: Кремль, 2023. — 42 с.
11. Липпман У. Общественное мнение / Уолтер Липпман; [перевод с английского Е. Абатовой]. — М.: Издательство АСТ, 2023. — 448 с.
12. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд [Текст] / пер. с англ. А.И. Кырлежева; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 240 с.
13. Манн М. Источники социальной власти: В 4 т. Т. 2. Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (книга вторая) / Пер. с англ. А.В. Лазарева; под науч. ред. Д.Ю. Карасева. 2-е изд., испр. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. — 520 с.
14. Най Дж. Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером. — М. Родина, 2023. — 256 с.
15. Павленко М.Г., Демешко Н.Э. Роль польских НКО в постсоветской трансформации Украины // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2023. — № 1. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-polskih-nko-v-postsovetskoy-transformatsii-ukrainy> (дата обращения: 23.03.2025).